

в том числе, как книга о монашествующих. Ссылка на Кормчую появляется в духовном заветании Ефросина Псковского: „А по Правилу святыхъ отецъ въ келиахъ чернецемъ не ясти, развѣ праздника или пиршества какого, ни женамъ быти въ манастырѣ, ни мылни держати, ни нѣмецкого платиа носити, ни съ пухомъ шубъ носити“ — [ААЭ. Т. 1: 83. № 108]. Это ложная отсылка: в Кормчих нет текстов, в которых высказывались бы подобные запреты, кроме запрета пребывать женщинам в монастыре, хотя схожие темы рассматриваются» (Т. 1. С. 502). Но есть ли здесь ссылка на Кормчую? Заглавные буквы расставляет при публикации древнерусского текста исследователь, тем самым, возможно, превращая некие «правила святых отец», находящиеся в самых разных текстах в составе самых разных сборников, в имя собственное, книгу «Правила свя-

тых отец», понимаемую как книга Кормчая. Впрочем, это деталь, которая лишь еще раз свидетельствует о том, какие перспективы для дальнейшей работы открывает исследование М. В. Корогодиной. Среди таких перспективных направлений не последнее место занимает изучение влияния Кормчей на формирование монастырского дисциплинарного устава.

Прослеженный исследовательницей путь Кормчей книги от вершин светской и церковной власти вниз, в монастыри и приходы, подкреплен огромным материалом, позволяющим получить ответы на многие вопросы, но еще больше поставить вопросов новых. И конечно, становится еще более очевидной необходимость критического комментированного издания Кормчей или ее отдельных редакций, в чем хочется пожелать Корогодиной успеха.

DOI:10.31860/0131-6095-2019-3-244-246

© Е. Д. Кукушкина

Г. Р. ДЕРЖАВИН ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ*

В конце 2018 года в связи с 275-летием со дня рождения Державина Всероссийский музей А. С. Пушкина и Музей-усадьба Г. Р. Державина издали книгу, которая будет полезна всем, кого интересует история русской литературы и культуры. Объемистый том «Г. Р. Державин в воспоминаниях современников» составили очерки, воспоминания, дневниковые записи, анекдоты тридцати трех авторов. Среди них известные писатели И. И. Дмитриев, С. Н. Глинка, А. С. Пушкин, С. Т. Аксаков, С. П. Жихарев и другие литераторы, племянницы супруги Державина Дарья Алексеевны Елизавета и Прасковья Львовы, дочь В. В. Капниста Софья Скалон, люди из ближайшего окружения Державина. Тексты, составившие книгу, публиковались и раньше, но впервые они собраны воедино. Это как раз тот случай, когда количество переходит в качество. Материалы сборника дополняют друг друга, и каждый из них раскрывает перед читателями новые грани характера этого неординарного человека, облекают его условный образ во плоть.

Предисловие к книге, написанное Н. П. Морозовой, заведующей отделом «Музей Г. Р. Державина и русской словесности его времени», знакомит читателя с принципами составления

издания и его основными материалами. Составители сборника Н. П. Морозова и Б. А. Градова расположили тексты в хронологическом порядке, соответствующем их появлению в печати. Такая структура книги отчасти позволяет читателю составить представление о том, какие изменения претерпевало отношение к Державину-поэту и Державину как личности на протяжении XIX века. Тексты снабжены комментарием, содержащим краткую информацию о времени и месте их первой публикации и об их авторах. Часть мемуаров печатается с уточнениями по рукописям. Большим достоинством книги является наличие аннотированного именного указателя лиц, упоминаемых в ней. Справочный аппарат переводит издание из разряда популярных в разряд научных. Книга иллюстрирована.

Личность Державина предстает в книге в широком контексте литературной и общественной жизни конца XVIII — первой трети XIX века, а воспоминания о нем проникнуты осознанием его индивидуальной неповторимости и значимости.

Державин, ставший классиком еще при жизни, являл собой столь яркую и цельную фигуру, что любая встреча с ним, даже случайная и краткая, оценивалась современниками как одно из важнейших жизненных событий. Пушкин вспоминал, как, будучи лицеистом, с «упоительным восторгом» прочел перед Державиным «Воспоминания в Царском селе». П. И. Шаликов (1768–1852), поэт и издатель, день своего знакомства с Державиным летом 1810 года считал «благополучнейшим» днем

* Г. Р. Державин в воспоминаниях современников / Сост., вступ. статья Н. П. Морозовой; подг. текстов и комм. Б. А. Градовой (мемуары П. Н. и Е. Н. Львовых, С. В. Скалон), Н. П. Морозовой. СПб.: Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2018. 440 с.; ил.

своей жизни и опубликовал свои впечатления об этой встрече уже через три месяца. Он увидел в Державине, который с необычной простосердечной искренностью разговаривал с посетителями, ревностного служителя Фемиды, сочетающего в себе качества философа, вельможи и патриота.

Увлеченный поэзией Державина с конца 1770-х годов и уже тогда почувствовавший ее свежесть и самобытность, И. И. Дмитриев (1760–1837) познакомился с автором стихов в 1790 году. Это знакомство ввело его в круг известных литераторов, собиравшихся в доме Державина, и открыло ему самому путь к Парнасу. Повествование Дмитриева о детстве и юности поэта в Казанской губернии, о начале его военной службы, основанное на рассказах самого Державина и его первой супруги Е. Я. Бастидон, реконструируют и дополняют факты из его биографии, изложенные им в «Записках». Мемуары Дмитриева содержат краткие, но необыкновенно емкие портреты-характеристики людей, окружавших Державина. Мастер тонких наблюдений, Дмитриев показывает, как из будничных, бытовых впечатлений, жадно впитываемых Державиным, — наблюдений за облаками, вида поданной к обеду щуки, — рождались его поэтические образы. Совершенно в ином ключе написаны рассказы о Державине М. А. Дмитриева (1796–1866), племянника И. И. Дмитриева, вошедшие в книгу «Мелочи из запаса моей памяти» и впервые опубликованные в журнале «Москвитинин» в 1853 году. Они представляют собой описание нескольких ярких эпизодов из жизни Державина в жанре зарисовок или анекдотов.

Удивительную черту личности Державина — внимательную, доброжелательную, лишенную высокомерия отношение к начинающим авторам, раскрывают перед читателями воспоминания В. И. Панаева (1792–1859). Выпускник Казанского университета, Панаев приехал в Петербург в 1815 году. Его встречи с Державиным продолжались менее года, но оказали существенное влияние на поэтическое творчество молодого литератора. Следуя совету старшего товарища по перу, в своих идиллиях Панаев стал ориентироваться на предромантическую поэзию С. Геснера. Другой бывший студент Казанского университета, С. Т. Аксаков (1791–1859), общался с Державиным лишь около трех месяцев. Его воспоминания еще до их публикации были одобрены И. С. Тургеневым, отметившим, что в них поэт является «в чуть-чуть комическом свете, тем не менее общее впечатление трогательно — словно из другого мира звучит этот голос» (с. 391). Страстный поклонник Державина, знавший наизусть лучшие его стихи и владевший искусством декламации, Аксаков сделался частым и любимым гостем в доме «певица Фелицы». Державин охотно слушал в исполнении Аксакова свои и чужие поэтические сочинения, но особенно любил чтение своих трагедий, хотя в кругу литераторов его драматургические опыты оценивались не высоко.

Включенные в издание несколько фрагментов из дневника статс-секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого, по-видимому, требуют более детального комментирования. Они относятся к 1782–1793 годам и в большей мере характеризуют не Державина, а отношение к нему императрицы. Лаконичные записи, которые Храповицкий делал для памяти, фиксируют некоторые эпизоды дворцовой жизни, но не раскрывают ее сути. Читателю остается непонятным, почему Екатерина II пренебрежительно отзывалась о теще Державина, которая была кормилицей великого князя Павла Петровича, почему поэт находился под судом Сената. За ответом на эти вопросы комментарии отсылают читателей к «Запискам» Державина. Но краткое освещение этих вопросов на страницах книги не было бы лишним. Также нуждается в дополнительном разъяснении включенное в книгу стихотворное «Прошение» императору Александру I от черниговского протоиерея Кубецкого с резолюцией Державина, датированное 1803 годом. Оно было впервые опубликовано в 1874 году в журнале «Русская старина» Д. Д. Рябининым. В бытность Державина министром юстиции он получал множество писем, в том числе и стихотворных, от людей, нуждающихся в его поддержке. Не понятно, является ли публикуемое «Прошение» одним из таких писем, или оно сочинено Рябининым в подражание им.

Читателей, несомненно, заинтересуют семейные воспоминания о Державине его ближайших родственников и домочадцев. В семье Державиных воспитывались пятеро детей Н. А. Львова, в 1807 году оставшихся сиротами. Известно, что юная Елизавета Николаевна делала для Державина подстрочный перевод трагедии Ж. Расина «Федра». В 22 года она вышла замуж за овдовевшего отца десятирех детей Ф. П. Львова и стала им прекрасной матерью. В 1854 году для внуков покойного мужа она оставила записки в виде коротких поучительных историй, озаглавленные «Некоторые анекдоты людей известных, умных и по душе приятных». В книге помещены несколько анекдотов о Державине из ее сочинения.

Записки П. Н. Львовай, состоящие из трех разновеликих фрагментов, основаны на дневнике, который она начала вести в 1811 году, продолжила в 1812-м и 1814-м и закончила в 1816 году, после смерти Державина. Этот текст, служащий важным источником для исследователей биографии и творчества Державина, сохранился в списке, сделанном на французском языке младшей ее дочерью Варварой (в замужестве Воейковой) в качестве ученического упражнения. Впервые он был частично введен в научный оборот Я. К. Гротом в Собрании сочинений Державина, а в книге печатается по рукописи из Пушкинского Дома с поправками и новой атрибуцией почерка, сделанными Б. А. Градовой. П. Н. Львова рассказывает о тревожной обстановке в Петербурге в июле 1812 года, о поездке в Москву и Киев в следующем году, о каждодневных занятиях

большого семейства Державиных в усадьбе Званка Новгородской губернии, столь любимой ими: угуренем чтении книг и газет, музицировании, прогулках по саду. Самый большой фрагмент записок охватывает события, связанные с болезнью и смертью Державина.

Несомненные писательские способности, заметные в мемуарах сестер Львовых, отчетливо проявились в воспоминаниях представительницы следующего поколения этой семьи, М. Ф. Ростовской (1814–1872), дочери Е. Н. и Ф. П. Львовых. Она сочиняла рассказы и повести для детей, занималась переводами, в 1864–1869 годах издавала журнал «Семейные вечера», разделяющийся на две серии — для детей младшего и старшего возрастов. В этом журнале, в серии для старшего возраста были напечатаны ее «Воспоминания о Гавриле Романовиче и Дарье Алексеевне Державиных. С присовокуплением четырнадцати анекдотов из жизни Державина» (1864, март). Они написаны по детским впечатлениям и по рассказам Дарьи Алексеевны, так как сама Ростовская Державина не видела, он скончался вскоре после ее рождения. Воспоминания о нем скрапшили времяпровождение обитателей дома. «...Державин как поэт заслуживает, — пишет она, — чтобы с ним познакомились ближе как с человеком. <...> Пройдет еще десять, двадцать лет, не станет уже и теперь очень немногих людей, которые их близко знали, горячо и искренно любили, некому будет об них рассказывать — и столько интересных подробностей исчезнет навсегда и пропадет безвозвратно! Разве этого не жаль?» (с. 136–137). Эти слова могут служить эпиграфом ко всей книге воспоминаний. М. Ф. Ростовская подробно описывает дом Державиных на Фонтанке, все комнаты в нем и кабинет поэта, знакомит читателей с особенностями его обитателей, находя объяснение и вспыхивающему характеру хозяйки, и кажущейся, неоднократно отмечаемой гостями холодности Дарьи Алексеевны. По духовному завещанию вдовы Державина Званка предназначалась для женского монастыря, все крестьяне были выпущены на волю. Однако из-за разных обстоятельств завещание не было сразу исполнено, Званка пришла в запустение.

Несколько иной предстает перед читателями Дарья Алексеевна в записках И. П. Хрущева (1841–1904), историка литературы, журналиста и издателя. Он составил их на основе воспоминаний своей бабушки В. Н. Воейковой, включив в текст подлинную ее записку, имеющую отношение к быту Державиных. Дарья Алексеевна, по его мнению, «во многих отношениях составляла противоположность покойной Екатерине Яковлевне» (с. 283). Вторая супруга Державина рисуется сдержанной, сухой в общении даже с близкими людьми, часто не любезной к друзьям мужа, не терпящей злословия и скрывающей свою чувствительность. Но благодаря ее твердому характеру материальная сторона семейной жизни Державиных заметно улучшилась. Со слов своей матери М. А. Поленовой, Хрущев включил

в текст описание обедов и праздников в доме Державина на Фонтанке уже после смерти Державина. Он свидетельствует, что завещание Дарьи Алексеевны об устройстве в Званке женского монастыря было реализовано лишь в 1869 году, на 29-м году после ее смерти.

Краткие воспоминания М. И. Гоголь-Яновской (1791–1868), матери Н. В. Гоголя, погружают читателя в атмосферу домашних праздников в имении Д. П. Трощинского Кибицы и в Обуховке в Полтавской губернии у В. В. Капниста, в которых участвовал и Державин. Там устраивали маскарады, «разыгрывали из Бетховена и Моцарта и прочих тогда бывших в славе музыкантов» (с. 317), загадывали шарады, экспромтом сочиняли, а потом разыгрывали комедии.

Ценные сведения о владельцах соседних имений, с которыми Державины поддерживали дружеские отношения, были сохранены А. П. Кожевниковым (1809–1875), двоюродным племянником Дарьи Алексеевны. Ему принадлежало неподалеку расположенное имение Пристань. Он также сделал несколько чертежей и рисунков Званки, которые были впервые опубликованы в 1994 году большим знатоком и ценителем творчества Державина, доктором технических наук Н. Н. Калининым.

Несколько материалов книги, объединенные в особый раздел, рассказывают о судьбе Званки во второй половине XIX века. Они написаны по личным впечатлениям В. Я. Стоюнин (1826–1888), педагог и историк русской литературы, побывав в заброшенном доме Державина в 1850 году. Я. К. Грот, готовя к изданию Собрание сочинений Державина, посетил все державинские места — Казанскую губернию, Тамбов и Петрозаводск, а в 1863 году — Званку. В очерке, составленном под впечатлением от этой поездки, он пишет: «Как непосредственное общение с живым человеком необходимо для полного постижения его личности, так и посещение мест, где некогда жил умерший, сближает вас с ним, воскрешая перед вами хотя часть обстановки, в которой он действовал» (с. 358). Господский дом к этому времени был уже разобран, сохранились только баня, каретный сарай и часовня. Но осталась потомкам поэзия Державина, которая, по словам Грота, «скажет много и верного, и разительного, много такого, что и в применении к настоящему времени не потеряло своего глубокого смысла, да и никогда не утратит его» (с. 367).

Книга воспоминаний о Державине была издана маленьким тиражом 200 экземпляров и быстро разошлась. Ко времени выхода этой рецензии улучшенная, дополненная, с исправлением некоторых досадных оплошностей, книга будет размещена в электронном виде на сайте Музея. Однако ее новый книжный вариант, без сомнения, оказался бы востребованным многочисленными почитателями творчества Г. Р. Державина и стал бы полезным, увлекательным и поучительным чтением.